

УДК 1:008 (091)
ББК 87.3(2):71

ТРАКТОВКА «ОРГАНИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ» КУЛЬТУРЫ В КОНЦЕПЦИИ ВСЕЕДИНСТВА – БОГОЧЕЛОВЕЧЕСТВА В.С. СОЛОВЬЕВА

О.Д. МАСЛОБОЕВА

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Улица Садовая, 21, г. Санкт-Петербург, 191023, Российская Федерация
E-mail: masloboeva.o@inbox.ru

Концептуализируется культурологическая позиция В.С. Соловьева в контексте органически космического мировоззрения, которое рефлексировано в соборном творчестве отечественных мыслителей XIX – нач. XX в., что является ответом на историческую потребность в зрелом самосознании социального субъекта перед лицом апокалиптической альтернативы между самоуничтожением или самовозрождением человечества на уровне нравственной свободы. Отмечается, что данная потребность инициировалась промышленным переворотом рубежа XVIII–XIX вв., радикально изменившим место человека в мире по причине освоения искусственных источников энергии. В этой связи проводится сравнительный анализ рефлексии данной потребности в западно-европейском позитивизме и российском органицизме в XIX веке в контексте задачи преодоления механистической парадигмы, безраздельно господствующей в европейской культуре XVII–XVIII вв., и перехода на позиции органически деятельностного мировоззрения. Раскрывается суть и значение указанной мировоззренческой трансформации как возврат к «органически растительному» (Н.А. Бердяев) мировоззрению, но на качественно новом, не созерцательном, а деятельностном уровне, подразумевающим ответственность мыслящего субъекта за все формы жизни в соответствии с уровнем их организации. Подчеркивается сущность органически деятельностного мировоззрения, в основе которой лежит теоретическая диалектика немецкой классической философии. В результате сравнительного анализа выявлено, что отечественные мыслители, глубоко и заинтересованно осваивавшие немецкую классическую философию, а также новые течения западной философии XIX в., смогли на почве родной культуры диалектически осмыслить актуальность органически деятельностного мировоззрения, конкретизировав его как органически космическое в философии русского космизма. Значимость учения Соловьева раскрывается в соборном творчестве выработки философско-антропологического проекта русского космизма, нацеленного на созидательное разрешение апокалиптической альтернативы посредством «общего дела», содержание которого в масштабах каждой национальной культуры определяется ее «органической функцией».

Ключевые слова: учение В.С. Соловьева, концепция Всеединства, Богочеловечество, социальный организм, органическая функция, истинная национальная идея, органическая теория, органически космическое мировоззрение, философско-антропологический проект, синергия элементов культуры, нравственное самосознание

INTERPRETATION OF "ORGANIC FUNCTION" OF CULTURE IN V. S. SOLOVYOV'S CONCEPTION OF ALL-UNITY – DIVINE HUMANITY

O.D. MASLOBOEVA

St. Petersburg State University of Economics
Sadovaya Street, 21, St. Petersburg, 191023, Russian Federation
E-mail: masloboeva.o@inbox.ru

V. S. Solovyov's cultural position is conceptualized in the context of an organically cosmic worldview, which is reflected in the collective creativity of 19th – early 20th century Russian thinkers. That position is a response to the historical need for a mature self-awareness of a social subject in the face of an apocalyptic alternative between self-destruction or self-regeneration of humanity at the level of moral freedom. It is noted that this need was initiated by the industrial revolution of the turn of the 18th – 19th centuries, which radically changed a person's place in the world due to the development of artificial energy sources. In this regard, a comparative analysis of the reflection of this need in West European positivism and Russian organicism in the 19th century is carried out in the context of the task of overcoming the mechanistic paradigm that reigns supreme in European culture of the 17th – 18th centuries and the transition to the positions of an organically active worldview. The essence and significance of this transformation in this worldview is revealed as a return to the "organically nurtured" (N.A. Berdyaev) worldview, but at a qualitatively new and active, not intuitive, level, implying the responsibility of the thinking subject for all life forms in accordance with the level of their organization. The essence of an organically active worldview, which is based on the theoretical dialectics of German classical philosophy, is emphasized. As a result of a comparative analysis, it was found that Russian thinkers who deeply and interestedly mastered German classical philosophy, as well as new trends in Western philosophy of the 19th century, were able to dialectically comprehend the relevance of an organically-active world outlook on the basis of their native culture, making it a concrete and organic worldview within the philosophy of Russian cosmism. The significance of Soloviev's teachings is revealed in the collective work of developing a philosophical and anthropological project of Russian cosmism aimed at constructively resolving the apocalyptic alternative through a "common cause", the content of which on the scale of each national culture is determined by its "organic function".

Key words: Solovyov, the conception of all-unity, Divine humanity, a social organism, organic function, a true national idea, organic theory, organically cosmic worldview, a philosophical and anthropological project, a synergy of cultural elements, moral self-awareness

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.1.047–060

«... если отнестись критически к терминологии Вл. Соловьёва, то необходимо сделать ряд усилий преодолеть ее возвышенно религиозный оттенок, чтобы добраться до философской сущности и увидеть здесь, наконец, учение о жизни, о бытии, включая всю человеческую и всю космическую сферу как нерушимую и всеединую целостность».

А.Ф. Лосев

Уход В.С. Соловьёва из жизни в 1900 г. символичен в том отношении, что его учение фокусирует вынашиваемое в XIX в. в борьбе полярностей русской культуры органически космическое мировоззрение. Соловьёв разрабаты-

вал центральный концепт этого мировоззрения, заключающийся в категории жизни как высшей ценности и вытекающей отсюда вселенской ответственности человека за все формы жизни в соответствии с уровнями ее организации, в чем и состоит стержень данного мировоззрения.

XIX в. как начало эпохи индустриализации, обусловившей радикальное возрастание технологической силы человека, чрезвычайно повысил градус потребности в росте национального самосознания. Насколько значимы личность и творчество Вл. Соловьева в удовлетворении этой ныне еще более актуальной потребности, свидетельствует оценка основной линии Международной конференции, посвященной столетию ухода философа из жизни: «обращение к памяти Соловьева стало одной из форм самосознания русской мысли, как некий периодический самоотчет ...самоотнесения с Соловьевым» [1, с. 2]. Ниже раскрывается важность учения Вл. Соловьева для продуктивной рефлексии самосознания любой национальной культуры, концептуализируемого в ее «органической функции».

Вл. Соловьев не только интеллектуально, но и всем сердцем впитал дух родной культуры с ее всеотзывчивостью на чаяния и беды человечества. В результате то, что подспудно вызревало в русской культуре как ее генотип и все более зрело рефлексировалось в XIX в., Соловьев выдает на-гора в содержании своей концепции, разработанной в сотворчестве с «атлантами» родной и мировой метакультуры.

Промышленный переворот рубежа XVIII–XIX вв. породил потребность перехода от механистического мировоззрения к органическому, но не в созерцательном его варианте, как это выражено в идее предустановленной гармонии микро- и макрокосма в античной культуре, а в деятельностном варианте осознания ответственности человека за обустройство этой гармонии¹. Реагируя на историческую потребность в модификации мировоззрения, Вл. Соловьев в статье о Гегеле отметил крайность механицизма в учении Ж.О. Ламетри и далее раскрыл роль Канта и его последователей вплоть до Гегеля в деле освобождения «человеческого духа» посредством диалектизации мышления, стержень которой состоит в принципе саморазвития всего существующего². Однако восприятие теории диалектики осуществляется Соловьевым сквозь призму учения Шеллинга, который «всегда был в значительной степени русским философом»³ и выразил сущность диалектики в форме органического мировосприятия: «Жизнь не есть *свойство* или *продукт* животной материи, напротив *материя есть продукт жизни*. ...не вещи суть начала организма, а, наоборот, *организм есть начало вещей*» [5, с. 125]. Такое мировос-

¹ См.: Masloboeva O.D. Global world outlook // Global Studies Encyclopedic Dictionary. New York, 2014. С. 226–228 [2].

² См.: Соловьев В.С. Статьи из Энциклопедического словаря // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 423–426 [3].

³ См.: Бердяев Н.А. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь» (к десятилетию «Пути») // Путь. № 49. 1935. С. 10 [4].

приятие оказалось близким русской душе в силу исторической молодости нашей культуры⁴, принявшей православие детски открытым сердцем без многовекового опыта схоластики. Насколько Соловьев осознавал историческую необходимость актуальной с XIX в. мировоззренческой трансформации, свидетельствует то, что и в своей заключительной работе как пророческом предупреждении последующим поколениям мыслитель акцентирует «младенческий» характер механистического мировоззрения, осознавая опасность непреодоленности этой догматической установки в культуре⁵. К сожалению, и поныне это предупреждение Соловьева не утрачивает своей значимости, ибо рецидивы механицизма дают о себе знать в так называемой большой политике, когда с целыми народами «поступают как с камнем», творя с ними то, что пожелают сделать⁶.

Вл. Соловьев всем своим творчеством способствовал развитию органически деятельностного мировоззрения в культуре. Органические понятия не просто частотны в его текстах, но составляют основной категориальный аппарат, ибо его «система цельного знания» как «свободная теософия» есть единство трех частей: «органическая логика, органическая метафизика и органическая этика»⁷. Данный аспект отмечает Н.В. Мотрошилова: «Соловьев последовательно ведет речь о продвижении человечества к “всецельной жизненной организации”, к “собирательному организму”, считая используемые в данной связи ссылки на “жизнь”, “организацию”, “организм” не туманными общими метафорами, а работающими философско-метафизическими понятиями» [10, с. 264]. Понимание востребованности *деятельностной установки по отношению к миру, центрируемой концептом «жизнь»*, Вл. Соловьев выражал уже в юношеских письмах: «Сознательное убеждение в том, что настоящее состояние человечества *не таково, каким быть должно*, значит для меня, что оно должно быть изменено, преобразовано. Я не признаю существующего зла вечным... Сознывая необходимость преобразования, я тем самым обязываюсь посвятить всю свою жизнь и все свои силы на то, чтобы это преобразование было действительно совершено» [11, с. 46].

Судьба формирования органически деятельностного мировоззрения в XIX в. складывается по-разному. На Западе перестройка мировоззрения осознается как необходимость отказа от традиционной метафизики, чему Вл. Соловьев посвящает магистерскую диссертацию «Кризис западной философии (против позитивистов)». Истоки этого кризиса исследуются им во внутренней логике исторического развития западной философии, что позволяет раскрыть

⁴ См. об исторической молодости нашей культуры: Маслобоева О.Д. Методологический потенциал возрастного принципа анализа истории // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 17. Вып. 1. С. 175–178 [6].

⁵ См.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 740 [7].

⁶ См.: Страхов Н.Н. Органические категории // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 118 [8].

⁷ См.: Соловьев В.С. Философские начала цельного знания. // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 195 [9].

содержание качественной рубежности современной культуры: «...именно теперь, в XIX веке, наступила наконец пора для философии на Западе выйти из теоретической отвлеченности, школьной замкнутости и заявить свои верховные права в деле жизни» [12, с. 114]. Позитивизм заявил эти права начиная с А. Сен-Симона, обозначившего свой замысел как «физико-политический проект», состоящий в организации союза науки с промышленностью и пропаганде нового мировоззрения, универсализирующего организационный подход в стремлении «к всеобщей организации человечества»⁸. *Деятельностная установка позитивистов в их отношении к миру центрируется понятием «наука»*, поэтому логика позитивизма развернется по сциентистскому сценарию соответственно духу рациональной утилитарности, присущему западному менталитету, что отмечается Соловьевым в его работах.

Генезис кризиса западной философии Соловьев выводит из свойственного ей «рассудочного мышления», заключающегося «в разложении...конкретного воззрения на чувственные и логические элементы»⁹, что находит свое наиболее полное воплощение в системе Гегеля, которая «составляет поворотную точку и вместе с тем связь между двумя периодами западной философии», поэтому она, «завершая собою и выражая во всей его исключительности философский рационализм, тем самым (именно делая очевидной его ограниченность) вызвала требование другой, не отвлеченно-логической, а положительной философии», требованиям которой «старается удовлетворить и “философия бессознательного”»¹⁰. В этом выражается рефлексия качественно нового этапа развития социальной практики, на что реагируют и позитивизм и «философия бессознательного». Так почему же Соловьев рассматривает состояние современной ему западной философии как кризисное? Он узрел, что генетическая особенность западной философии толкает ее из крайности в крайность: полноценное развитие философского рационализма, доведенное Гегелем до панлогизма, приводит к впадению в односторонний иррационализм, составляющий сущность анализируемых Соловьевым учений. Если относительно «философии бессознательного» иррационализм очевиден, то касательно позитивизма это кажется парадоксальным, что побуждает Соловьева специально обосновывать наличие иррационального элемента во всяком явлении, познанием которого позитивизм ограничивает науку. Соловьев сравнивает научные дисциплины по степени их «иррационального характера» в соответствии с удельным весом в них «эмпирического элемента»¹¹.

⁸ См.: Письма женевого обитателя к современникам // Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 1. М.-Л., 1948. С. 144 [13].

⁹ См.: Соловьев В.С. Кризис западной философии // Соловьев В.С. Полн. собр. соч. и писем в 20 т. Т. 1. М.: Наука, 2000. С. 98 [12].

¹⁰ Там же. С. 106.

¹¹ Там же. С. 84.

Под воздействием генетической особенности, отмеченной Вл. Соловьевым, в западной философии, отреагировавшей на мировоззренческую потребность XIX в., произошло расщепление на сциентистски рассудочное освоение органической теории в позитивизме, с одной стороны, и иррационалистическое упоение органикой мироздания в «философии бессознательного», с другой. Однако возрастающая технологическая сила человека требует от него обуздания жизненной энергии в единстве рациональной и иррациональной ее составляющих.

Определенное созвучие своих мировоззренческих поисков в их концептуальном обосновании Соловьев выражал в анализе «философии бессознательного», общепризнанным наименованием которой стало «философия жизни». Н.В. Мотрошилова отмечает наличие в творчестве Вл. Соловьева «важнейшей содержательной параллели с западными вариантами философии жизни, появившимися в конце XIX века (независимо от того, были ли они известны Соловьеву или нет)»¹². Однако, несмотря на то, что параллельность здесь обусловлена общим концептом «жизнь», не следует, как представляется, типологизировать концепцию Вл. Соловьева как «философию жизни», поскольку у него, в отличие от западных концепций, представлена рефлексия органически космического мировоззрения в единстве иррациональной и рациональной его составляющих. Данная рефлексия осуществлялась Соловьевым в диалоге с западной философией, но, прежде всего, на почве отечественной культуры в соборном творчестве органицистов и космистов, образующих концептуально единое направление и получивших свое изначальное наименование в историко-философском исследовании А.А. Галактионова¹³. В духе отечественной ментальности Соловьев противопоставляет рассудочной односторонности западной философии «универсальный синтез науки, религии и философии»¹⁴.

Российский органицизм заключается в исследовании мира в целом и каждого элемента единого природно-социального организма как «органического целого» на основе принципов всеобщности жизни, целостности, деятельностного подхода, естественности, гармонии и антиномичности бытия и мышления¹⁵. Вырастающий из органицизма русский космизм акцентирует органическую теорию на исследовании космической роли человека, который должен осознавать свою глобализирующую ответственность за все формы жизни, что невозможно без развитого самосознания: «Космический ум в явном противоборстве с первобытным хаосом и в тайном соглашении с раздираемую этим хаосом мировую душу или природою, которая все более и более поддается мысленным внушениями

¹² См.: Мотрошилова Н.В. Вл. Соловьев и поиски новых парадигм в западной философии // Соловьёвский сборник: материалы Междунар. конф. «В.С. Соловьев и его философское наследие». Москва, 28–30 августа 2000 г. М.: Изд-во «Феноменология-Герменевтика», 2001. С. 263.

¹³ См.: Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Русская философия IX–XIX вв. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 17, 175–179 [14].

¹⁴ См.: Соловьев В.С. Кризис западной философии. С. 138.

¹⁵ См.: Маслобоева О.Д. Российский органицизм и космизм XIX–XX вв.: эволюция и актуальность. СПб.: Изд-во СПбУЭиФ, 1995. Ч. 1. С. 20–55 [15].

зиждательного начала, творит в ней и чрез нее сложное и великолепное тело нашей вселенной. Творение это есть *процесс*, имеющий две тесно между собой связанные цели, общую и особенную. Общая есть воплощение реальной идеи, т.е. *света и жизни*, в различных формах природной красоты, особенная же цель есть создание человека, т.е. той формы, которая вместе с наибольшею телесною красотою представляет и высшее внутреннее потенцирование света и жизни, называемое самосознанием» [16, с. 388–389].

Творчество русских космистов разворачивается, по словам А.Г. Гачевой, таким образом, что «миропонимание каждого выстраивалось со своими индивидуальными акцентами, со своим “лица всеобщим выраженьем”»¹⁶. Инвариантное содержание авторских концепций русских космистов составляет философско-антропологический проект созидательного разрешения апокалиптической альтернативы между самоуничтожением или самовозрождением человечества на уровне нравственной свободы. Проективный характер философии русского космизма, разработанный в концептуальном единстве научной, религиозно-философской и художественно-эстетической его ветвей, осознается Вл. Соловьевым как необходимость органического единства «*между теорией и практикой, между школой и жизнью*»¹⁷ в целях преодоления кризисного состояния «общественного организма».

Рассматривая философско-антропологический проект русского космизма как «оправдание человека и истории», важно учитывать, по выражению А.Г. Гачевой, что это оправдание «влекло за собой у русских религиозных мыслителей и оправдание человеческой культуры, науки, искусства. В союзе с религией они должны были служить делу обожения, преобразования сущего в должное»¹⁸. Концепция Всеединства – Богочеловечества Вл. Соловьева как вершина религиозно-философской ветви русского космизма раскрывает противоречие динамики культуры, выступающее универсальным источником саморазвития – между устойчивостью и изменчивостью системы. Центральный концепт своего учения – «жизнь» – он осознает как процесс саморазвития, заключающийся в *устойчивости Всеединства*, т.е. в перманентном функциональном состоянии Вселенной, и в то же время включающий *качественную изменчивость* эволюции культуры как *Богочеловеческий процесс*.

Устойчивость Всеединства обеспечивается органической целостностью функционирования культурного пространства, в котором на уровне национальной структуры каждый социальный субъект выступает микрокосмом, равноценным макрокосму всечеловеческой культуры и потому предназначенным быть незаменимым органом этого культурного организма. Концепция Всеединства в

¹⁶ См.: Гачева А.Г. В.С. Соловьев и Н.Ф. Федоров: Из истории творческих взаимоотношений (1880-е годы) // Соловьевский сборник: материалы Междунар. конф. «В.С. Соловьев и его философское наследие». Москва, 28–30 августа 2000 г. М.: Изд-во «Феноменология-Герменевтика», 2001. С. 91 [17].

¹⁷ См.: Соловьев В.С. Кризис западной философии. С. 112.

¹⁸ См.: Гачева А.Г. В.С. Соловьев и Н.Ф. Федоров: Из истории творческих взаимоотношений (1880-е годы). С. 88–89.

абстрактной сущности раскрывается в принципе «все во всем», в конкретном содержании – как принцип единства Блага, Истины и Красоты. В современной трактовке это единство обозначается как синергия элементов культуры, выступающей системой основных форм жизнедеятельности социального субъекта, т.е. это означает, что здоровое состояние общества и гармония культуры невозможны в случае претензии одного из ее элементов на самодавяющее значение в судьбе народа. Вот как в этой связи Соловьев дает «истинное, то есть полное, определение нормального общества»: это общество, в котором все «сферы, сохраняя свою относительную самостоятельность, не находятся, однако, во внешнем, механическом разделении, а взаимно проникают друг в друга как составные части одного органического существа, необходимые друг для друга и соединенные в одной общей цели и общей жизни» [18, с. 592]. По Соловьеву, «нормальное общество» – это и есть «практическое всеединство»¹⁹.

Концепция Богочеловечества в абстрактной сущности заключается в осознании Богоподобия человека и его предназначенности быть сотворцом Бога. Конкретное содержание Богочеловеческого процесса состоит в усложнении структуры жизнедеятельности человека, которое приводит к качественному изменению функционирования культуры как этапов взросления человечества на пути движения к Богочеловеческому уровню, когда человек становится «совершенным проводником благодати в мир». Если Бог – это «первоначально всеединное», то человек как «частное», без которого «не было бы и всего, ...не было бы и единого как действительного, ...может существовать только в процессе, как становящееся все...»²⁰.

Исследование этого пути Соловьев осуществляет посредством рассмотрения человечества как органического целого, в котором каждый народ как субъект индивидуальной культуры несет свою *ответственность* за конкретные этапы взросления единого человечества, что обозначается у Соловьева категорией «органическая функция», которая осознается в форме национальной идеи. Соловьев акцентирует, что эта идея не может быть предметом самомнения. *Истинное предназначение национальной идеи в достижении развитого самосознания социального субъекта* на пути к уровню Богочеловечества. Проблема ответственности, составляя сущность «органической функции» культуры, выдвигает на первый план этику как «практическую философию», поэтому моральная философия играет в учении Вл. Соловьева первую скрипку. Разрешение апокалиптической альтернативы обусловлено качеством выполнения каждым культуро-субъектом своей «органической функции» в истории человечества: «мы должны рассматривать человечество в его целом, как великое собирательное существо или социальный организм, живые члены которого представляют различные нации. С этой точки зрения очевидно, что ни один народ не может жить в себе,

¹⁹ См.: Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 588 [18].

²⁰ Там же. С. 715–716.

чрез себя и для себя, но жизнь каждого народа представляет лишь определенное участие в общей жизни человечества. Органическая функция, которая возложена на ту или другую нацию в этой вселенской жизни, – вот ее истинная национальная идея, предвечно установленная в плане Бога» [19, с. 220].

Ключ созидательного разрешения противоречий в динамике культуры раскрывается Вл. Соловьевым в образе Софии–премудрости Божией, воплощающей «Божественную любовь, все приводящую к единству», до которой необходимо дорасти человеку на пути к Богочеловеческому состоянию. Иначе путь самоуничтожения. Не «полнота власти», а «полнота любви» – жизненная основа процветания культуры и осуществления ее «органической функции» в контексте актуализации Всеединства–Богочеловечества. Неслучайно С.Л. Франк утверждает, что «вся философия Соловьева есть лишь метафизическое разъяснение и истолкование слов ап. Иоанна “Бог есть любовь”; существо бытия есть внутренняя гармония, бытие одного для другого, согласованность жизни, любовь» [20, с. 955].

В этом теоретическом контексте Соловьев раскрывает содержание Русской идеи как «вопрос о *смысле существования России* во всемирной истории» и ее «моральном обязательстве»²¹. Искать истинный смысл «органической функции» русской культуры необходимо как в контексте мировоззрения и творчества Соловьева, начиная с юношеских работ и включая «Три разговора», так и в инвариантном содержании философско-антропологического проекта космистов.

Отделяя вечное от временного в творчестве Вл. Соловьева, важно выделить его самую заветную идею о духовном единении людей, основанном на органической целостности рационального и иррационального, являющем себя в любви посредством жертвы эгоизма личностного и национального и реализующемся в братском деле преодоления всех дьявольских козней на пути развития от «зверо-человека к Богочеловеку». Это соответствует обращенности проектики русского космизма к ученым и неученым, верующим и неверующим, как это выражено Н.Ф. Федоровым²². В «Трех силах» Соловьев подчеркивает, что «такой синтез совершенно противоречит общему духу западного развития: та исключаящая отрицательная сила, которая разделила и уединила различные сферы жизни и знания, не может сама по себе снова соединить их» [22, с. 27]. Подобная атомизация культуры, по мысли Соловьева, подрывает жизненную силу науки, деформирует искусство в карикатуру. Сегодня особенно очевидна правота мысли нашего соотечественника, ибо только синергия элементов духовной культуры может дать тот сверхсистемный эффект, который позволит преодолеть нарастающий разрыв между приумножением технологической силы человека и уровнем его нравственности.

²¹ См.: Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 219–220 [19].

²² См.: Федоров Н.Ф. Из I тома «Философии Общего дела» // Федоров Н.Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. С. 53–94 [21].

Идея исторической потребности в обозначенном русским мыслителем синтезе имеет еще один важный аспект плодотворного развития поля всечеловеческой культуры. Качественно новый уровень философской рефлексии призван, по мысли Соловьева, соединить «логическое совершенство западной формы» с «полнотой содержания духовных созерцаний Востока»²³. Полномасштабно этот заключительный тезис магистерской диссертации Соловьева разрабатывается как смысл «русской идеи» в «Трех силах», где обосновывается, что евразийский дух русской ментальности обязывает его осуществлять снятие крайностей рационализма и активизма западной культуры, породившей науку с ее установкой на умерщвляющее «хирургическое» вмешательство во все жизненные процессы, с одной стороны, и крайностей мистического иррационализма и созерцательности, парализующих творчески преобразовательный дух личности, что присуще восточной культуре, породившей все мировые религии, с другой. В работе «Русская идея» особую ценность представляет обоснование национальной идеи как «органической функции» культуры, которая «не есть отвлеченная идея или слепой рок, но прежде всего нравственный долг»²⁴. По-другому, «органическая функция» любой национальной культуры заключается в развитом самосознании этого субъекта, осознающего таким образом свою ответственность за судьбу человечества, которая едина с собственной судьбой. Национальная идея – это лицо индивидуальности культуры, в котором высвечивается рефлексия мировоззрения и самосознания конкретного народа. Данная рефлексия осуществляется мыслящими деятелями культуры. Однако, по меткому замечанию Е.Н. Трубецкого, «органическая и мистическая связь, соединяющая людей в одно солидарное целое, выше и глубже поверхностного человеческого сознания. Ее не в силах разорвать те ослепленные народные массы, которые “не ведают, что творят”; народ, избивающий своих пророков, все-таки остается *органически* с ними связан; и в этой невидимой, мистической связи – вся его надежда на спасение» [23, с. 407–408].

Решение задачи духовного единения человечества в братском деле целесообразного движения к высшей точке нравственного совершенства разрабатывается Вл. Соловьевым в целостном содержании его концепции Всеединства – Богочеловечества. Инвариантность содержания этого учения и концепции ноосферы В.И. Вернадского как концептуальной вершины научной ветви русского космизма состоит в выявлении необходимого и достаточного условий реализации данного проекта. Необходимое условие заключается в том, чтобы этот проект способствовал синергии элементов духовной культуры, что выражается Соловьевым в концепте «единства Блага, Истины и Красоты». Вернадский обосновывает данное условие, раскрывая равнозначную роль науки, философии, морали, религии, искусства и политико-правовой сферы в процессе эволюции биосферы в ноосферу. Достаточным условием реализации проекта космистов является осо-

²³ См.: Соловьев В.С. Кризис западной философии. С. 138.

²⁴ См.: Соловьев В.С. Русская идея. С. 238–239.

знание единства человеческого рода: «чтобы возвыситься до вселенского *братства*, нации, государства властители должны подчиниться сначала вселенскому *сыновству*, признавая моральный авторитет общего отца»²⁵. У Вернадского выделяются качественные скачки в исторической эволюции этого осознания: иррациональный – при переходе к нашей эре и рациональный – с начала эпохи индустриализации²⁶. Выделение необходимого и достаточного условий относительно и призвано теоретически раскрыть внутреннюю структуру динамики культуры в процессе реализации проекта космистов. Взаимодополняемость этих условий в целостном поле мировоззрения Вл. Соловьева замечательно выражена Е.Н. Трубецким: «Не для одной его эстетики образ преображения Христова служил идеалом, руководящей нормой. Тот же светлый образ вдохновлял философа во всем, что он творил. Одно и то же видел он в Добре, Истине и Красоте: преображение всей твари было не только его заветной мыслью, но и тем *делом* Божиим, которому он отдал всю свою жизнь» [23, с. 420].

Если инвариантность учения Соловьева с содержанием научной ветви космизма выявляется с нашей исторической высоты, то инвариантность с художественно-эстетической ветвью – отрефлексировал сам Соловьев. Ф.И. Тютчев как муза русского космизма, по словам Вл. Соловьева, чувствовал сильно и осознавал ясно «ту *таинственную основу всякой жизни* – природной и человеческой – основу, на которой зиждется и смысл космического процесса, и судьба человеческой души, и вся история человечества»²⁷. Соловьев выразил солидарность с тем прозрением принципа всеобщности жизни – исходного во всей систематике органически космического мировоззрения, которое представлено в поэзии Тютчева²⁸, и раскрыл творчество Тютчева как мыслящего поэта²⁹. Органика единства мысли и чувства в поэзии Тютчева концептуализируется Соловьевым как антитеза механистическому мировоззрению и выливается в гимн синергии элементов духовной культуры: «Дело поэзии, как и искусства вообще, ... в том, чтобы воплощать в *ощутительных* образах тот самый высший *смысл* жизни, которому философ дает определения в разумных понятиях, который проповедуется моралистом и осуществляется историческим деятелем как идея добра. Художественному чувству непосредственно открывается в форме ощутительной красоты то же совершенное содержание бытия, которое философией добывается как истины мышления, а в нравственной деятельности дает о себе знать как безусловное требование совести и долга. Это только различные стороны или сферы проявления одного и того же; между ними нельзя провести разделения, и еще менее они могут противоречить друг другу. Если вселенная имеет смысл, то двух противоречащих друг другу ис-

²⁵ См.: Соловьев В.С. Русская идея. С. 242.

²⁶ См.: Маслобоева О.Д. Российский органицизм и космизм XIX–XX вв.: эволюция и актуальность. СПб.: Изд-во СПбГУЭиФ. 2005. Ч. 3. С. 126–127 [24].

²⁷ См.: Соловьев Вл. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьев Вл. Чтения о Богочеловечестве. Статьи. СПб., 1994. С. 358–359, 365 [25].

²⁸ Там же. С. 358–359, 361–362.

²⁹ Там же. С. 363.

тин – поэтической и научной – так же не может быть, как и двух исключających друг друга “высших благ” и целей существования» [25, с. 363–364].

Философско-антропологический проект русского космизма, заостряя наше внимание на апокалиптической альтернативе, нацеливает на рефлексию того, какой тип мировоззрения мы исповедуем, не деформировано ли наше самосознание агрессией близоруких интересов. В таком контексте актуальность концепции Вл. Соловьёва, раскрывающей религиозно-философский аспект этого проекта, вполне очевидна: «собственным действием и испытанием своего сущест­ва достигает человек нравственного самосознания»³⁰.

Список литературы

1. Хоружий С.С. Наследие Владимира Соловьёва сто лет спустя // Соловьёвский сборник: материалы Междунар. конф. «В.С. Соловьёв и его философское наследие». Москва, 28–30 августа 2000 г. М.: Изд-во «Феноменология-Герменевтика», 2001. С. 1–28.
2. Masloboeva O.D. Global world outlook // Global Studies Encyclopedic Dictionary. New York, 2014. С. 226–228.
3. Соловьёв В.С. Статьи из Энциклопедического словаря // Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 405–479.
4. Бердяев Н.А. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь» (к десятилетию «Пути») // Путь. 1935. № 49. С. 3–22.
5. Шеллинг Ф.В.Й. О мировой душе. Гипотеза высшей физики для объяснения всеобщего организма, или Разработка первых основоположений натурфилософии на основе начал тяжести и света // Шеллинг Ф.В.Й. Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 89–181.
6. Маслобоева О.Д. Методологический потенциал возрастного принципа анализа истории // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 17. Вып. 1. С. 169–178.
7. Соловьёв В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 635–762.
8. Страхов Н.Н. Органические категории // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 116–124.
9. Соловьёв В.С. Философские начала цельного знания // Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 139–288.
10. Мотрошилова Н.В. Вл. Соловьёв и поиски новых парадигм в западной философии // Соловьёвский сборник: материалы Междунар. конф. «В.С. Соловьёв и его философское наследие». Москва, 28–30 августа 2000 г. М.: Изд-во «Феноменология-Герменевтика», 2001. С. 256–268.
11. Вл. Соловьёв о себе и против себя // Вл. С. Соловьёв: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2000. С. 43–76.
12. Соловьёв В.С. Кризис западной философии // Соловьёв В.С. Полн. собр. соч. и писем в 20 т. Т. 1. М.: Наука, 2000. С. 38–138.
13. Сен-Симон А. Письма женевского обитателя к современникам // Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 1. М.; Л. 1948. С. 105–145.
14. Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Русская философия IX–XIX вв. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. 744 с.
15. Маслобоева О.Д. Российский органицизм и космизм XIX–XX вв.: эволюция и актуальность. СПб.: Изд-во СПбУЭиФ, 1995. Ч. 1. 67 с.
16. Соловьёв В.С. Красота в природе // Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 351–389.

³⁰ См.: Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 124 [26].

17. Гачева А.Г. В.С. Соловьев и Н.Ф. Федоров: Из истории творческих взаимоотношений (1880-е годы) // Соловьевский сборник: материалы Междунар. конф. «В.С. Соловьев и его философское наследие». Москва, 28–30 августа 2000 г. М.: Изд-во «Феноменология-Герменевтика», 2001. С. 87–113.
18. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 581–756.
19. Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 219–246.
20. Франк С.Л. Духовное наследие Владимира Соловьева // Вл. С. Соловьев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2002. С. 953–961.
21. Федоров Н.Ф. Из I тома «Философии Общего дела» // Федоров Н.Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. С. 53–94.
22. Соловьев В.С. Три силы // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 19–31.
23. Трубецкой Е.Н. Миросозерцание Вл. Соловьева. Т. 2. М., 1913. 415 с.
24. Маслобоева О.Д. Российский органицизм и космизм XIX–XX вв.: эволюция и актуальность. СПб.: Изд-во СПбГУЭиФ. 2005. Ч. 3. 143 с.
25. Соловьев Вл. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьев Вл. Чтения о Богочеловечестве; Статьи. СПб., 1994. С. 357–374.
26. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 47–548.

References

1. Khoruzhiy, S.S. Nasledie Vladimira Solov'eva sto let spustya [Heritage of Vladimir Solov'ev a hundred years later], in *Solov'evskiy sbornik: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «V.S. Solov'ev i ego filosofskoe nasledie»*. Moskva. 28–30 avgusta 2000 g. [Solovievsky collection: materials of the Intern. conf. "V.S. Soloviev and his philosophical heritage" Moscow. August 28-30, 2000]. Moscow: Izdate'l'stvo «Fenomenologiya-Germenevtika», 2001, pp. 1–28.
2. Masloboeva, O.D. Global world outlook, in *Global Studies Encyclopedic Dictionary*. New York, 2014, pp. 226–228.
3. Solov'ev, V.S. Stat'i iz Entsiklopedicheskogo slovarya [Articles from the Encyclopedic dictionary], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 405–479.
4. Berdyaev, N.A. Russkiy dukhovnyy Renessans nachala XX veka i zhurnal «Puti» (k desyatilet'iyu «Puti») [Russian spiritual Renaissance of the early XX century and the magazine «Path» (to the decade of «Path»)], in *Put'*, 1935, no. 49, pp. 3–22.
5. Shelling, F.V.Y. O mirovoy dushe. Gipoteza vysshey fiziki dlya ob"yasneniya vseobshchego organizma, ili Razrabotka pervykh osnovopolozheniy naturfilosofii na osnove nachal tyazhesti i sveta [About the world soul. The hypothesis of higher physics to explain the universal organism, or the Development of the first principles of natural philosophy based on the principles of gravity and light], in Schelling, F.V.Y. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vol., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1987, pp. 89–181.
6. Masloboeva, O.D. Metodologicheskii potentsial voznastnogo printsipa analiza istorii [Methodological potential age principle of analysis of history], in *Vestnik SPbGU*, 2015, Series 17, issue 1, pp. 169–178.
7. Solov'ev, V.S. Tri razgovora o voyne, progresse i kontse vseмирnoy istorii [Three conversations about war, progress and the end of world history], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 635–762.
8. Strakhov, N.N. Organicheskie kategorii [Organic categories], in *Voprosy filosofii*, 2009, no. 5, pp. 116–124.
9. Solov'ev, V.S. Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya [Philosophical principles of integral knowledge], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 139–288.

10. Motroshilova, N.V. VI. Solov'ev i poiski novykh paradigmy v Zapadnoy filosofii [VI. Solov'ev and the search for new paradigms in Western philosophy], in *Solov'evskiy sbornik: Materialy mezhdunarodnoy konferentsii «V.S. Solov'ev i ego filosofskoe nasledie»*. Moskva 28–30 avgusta 2000 [Solovievsky collection: materials of the Intern. conf. "V.S. Soloviev and his philosophical heritage". Moscow. August 28-30, 2000]. Moscow: Izdatel'stvo «Fenomenologiya-Germenevtika», 2001, pp. 256–268.
11. VI. Solov'ev o sebe i protiv sebya [VI. Solov'ev about himself and against himself], in *VI.S. Solov'ev: pro et contra*. Saint-Petersburg: RHGI, 2000, pp. 43–76.
12. Solov'ev, V.S. Krizis Zapadnoy filosofii [Crisis of Western philosophy], in Solov'ev, V.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 1* [Complete works and letters in 20 vol., vol. 1]. Moscow: Nauka, 2000, pp. 38–138.
13. Sen-Simon, A. Pis'ma zhenevskogo obitatelya k sovremennikam [Letters of the Geneva inhabitant to contemporaries], in Sen-Simon, A. *Izbrannyye sochineniya. T. 1* [Selected works. Vol. 1]. Moscow; Leningrad, 1948, pp. 105–145.
14. Galaktionov, A.A., Nikandrov, P.F. *Russkaya filosofiya IX–XIX vekov* [Russian philosophy IX–XIX centuries]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1989. 744 p.
15. Masloboeva, O.D. *Rossiyskiy organitsizm i kosmizm XIX–XX vv.: evolyutsiya i aktual'nost'* [The Russian organicism and cosmism of the XIX–XX centuries: evolution and actuality]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo SPbUEiF, 1995, part 1, 67 p.
16. Solov'ev, V.S. Krasota v prirode [Beauty in nature], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 351–389.
17. Gacheva, A.G. V.S. Solov'ev i N.F. Fedorov: Iz istorii tvorcheskikh vzaimootnosheniy (1880-e gody) [V.S. Solov'ev and N.F. Fedorov: from the history of creative relations (1880s)], in *Solov'evskiy sbornik: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «V.S. Solov'ev i ego filosofskoe nasledie»*. Moskva. 28–30 avgusta 2000 g. [Solovievsky collection: materials of the Intern. conf. "V.S. Soloviev and his philosophical heritage." Moscow. August 28-30, 2000]. Moscow: Izdatel'stvo «Fenomenologiya-Germenevtika», 2001, pp. 87–113.
18. Solov'ev, V.S. Kritika otvlechennykh nachal [Criticism of abstract principles], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vol., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 581–756.
19. Solov'ev, V.S. Russkaya ideya [Russian idea], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 219–246.
20. Frank, S.L. Dukhovnoe nasledie Vladimira Solov'eva [Spiritual heritage of Vladimir Solov'ev], in *VI.S. Solov'ev: pro et contra*. Saint-Petersburg: RKhGI, 2002, pp. 953–961.
21. Fedorov, N.F. Iz pervogo toma «Filosofii Obshego dela» [From the I volume «Philosophy of the Common cause»], in Fedorov, N.F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Mysl', 1982, pp. 53–94.
22. Solov'ev, V.S. Tri sily [The Three forces], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t.1* [Works in 2 vol., vol. 1]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 19–31.
23. Trubetskoy, E.N. *Mirosozertsanie VI. Solov'eva. T. 2* [World-outlook of VI. Solov'ev. Vol. 2]. Moscow, 1913. 415 p.
24. Masloboeva, O.D. *Rossiyskiy organitsizm i kosmizm XIX–XX vv.: evolyutsiya i aktual'nost'* [The Russian organicism and cosmism of the XIX–XX centuries: evolution and actuality]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo SPbGUEiF, 2005, part 3, 143 p.
25. Solov'ev, VI. Poeziya F.I. Tyutcheva [Poetry by F.I. Tyutchev], in *Solov'ev, VI. Chteniya o Bogochelovechestve. Stat'i* [Soloviev VI. Readings about God-manhood; Articles]. Saint-Petersburg, 1994, pp. 357–374.
26. Solov'ev, V.S. Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya [The Justification of the good. Moral philosophy], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vol., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 47–548.